

Глава 4. Перед бамбуковой щепой и храбрец пасует

Где бы ни находились застенки — в казенных ли управах или в частных владениях — они всегда пугающе похожи. Массивные решетки, которые не обхватить и ладонью, тяжелые кандалы и, конечно же, полный набор пыточных инструментов на любой вкус.

Стоило лишь поворошить угли в жаровне, как пламя взметалось вполовину человеческого роста. Стоявшие рядом дюжие молодцы обливались потом и то и дело облизывали пересохшие губы. Сейчас они толпились вокруг крестовины, по очереди охаживая плетью привязанного к ней мужчину. Тот был черен от запекшейся крови. Каждый удар отзывался в душном полумраке темницы глухим шлепком; казалось, можно было воочию увидеть, как разлетаются ошметки плоти. Воздух, пропитанный вонью пота и тяжелым запахом крови, вызывал тошноту.

Однако человек, распятый на столбе, не издал ни звука. Он так неистово впился зубами в нижнюю губу, что те давно увязли в рваной ране, но он словно не замечал этого. Он широко распахнул налитые кровью глаза — в них не было ни тени мольбы о пощаде.

Истязатели, промучившиеся с ним всю ночь, порядком утомились. Их руки бугрились узлами, но ныли от долгого напряжения. И все же они не смели остановиться, ведь за решеткой, в тени, за ними наблюдал тот, кто был куда страшнее любого палача.

Там, за прутьями, царила тишина. На деревянном столе стояла чашка ароматного чая, а рядом в кресле расположился мужчина, ликом подобный изящному рисунку на шелке. Если не считать доносившихся из застенка ударов, здесь царил покой и мир.

Цинь Вань подпирал голову рукой, прикрыв глаза, но он не упускал ни единого шороха. Терпение его подходило к концу.

— Господин Цинь... — почтительно обратился к нему страж в черном одеянии. — Парень попался крепкий. Похоже, развязывать язык не собирается. Если продолжим в том же духе, он просто испустит дух.

Цинь Вань медленно открыл глаза и опустил руку на стол. Он не ответил, лишь пристально посмотрел на стража. Под этим взглядом тот невольно занервничал и замаялся.

Внезапно Цинь Вань улыбнулся — и улыбка эта была столь прекрасна, что страж на миг опешил. Цинь Вань прекрасно знал, что о нем шепчутся в Учении Тай-и: дескать, этот человек не знает ни жалости, ни родства, и угодить ему труднее, чем самому Главе. Стоит оступиться — и голова слетит с плеч быстрее, чем кошелек с пояса. Шептались и о его «женском» лице, намекая, что лишь благодаря красоте он снискал милость Главы. Ну и пусть. Сейчас он был в фаворе, и если ему вздумается лишить кого-то жизни, никто и слова против не скажет.

— Господин Цинь... — снова позвал страж, уже менее уверенно.

Цинь Вань небрежно хлопнул ладонью по столу. Звук был тихим, но страж вздрогнул.

— Хм. Неужели ты не объяснил ему, что молчание для него равносильно смерти? — Цинь Вань помрачнел, с удовлетворением отмечая испуг на лице собеседника.

Да, власть — это всё. Без неё любой мог втоптать тебя в грязь, а с ней — он получает всё, что пожелает.

Видя, что гнева не последовало, страж поспешно добавил:

— Господин Цинь, этот мерзавец, кажется, уверен, что мы не посмеем его убить. Ни угрозы, ни посулы его не берут.

Цинь Вань с явным отвращением поднялся:

— Вечно эти лесные разбойники: силы немерено, а ума — как у воробья. С пустяковым делом справиться не можете.

Страж поморщился от обиды, но Цинь Ваню было плевать. Он привык к людской злобе и зависти. Не он был жесток, жизнь научила его: тот, кто стоит наверху, наслаждается тем, что топчет стоящих ниже. Сегодня ты топчешь других, а завтра... завтра будет завтра.

— Иди за мной, — Цинь Вань остановился возле стража и внезапно с силой пнул его по голени.

В этом ударе не было ни мастерства, ни внутренней силы — лишь чистое, незамутненное оскорбление. Страж дернулся, хотел было отшатнуться, но в последний миг сдержался, покорно приняв удар.

Гнев Цинь Ваня немного утих. Он зашагал вперед, бросив холодное:

— И как Глава мог приставить ко мне такого олуха. Только под ногами путаешься.

Он не видел ненависти в глазах последовавшего за ним стража.

Цинь Вань всегда считал себя книжником, несмотря на то, что владел боевыми искусствами. Ученый муж в его представлении — это гордость и непоколебимость, хотя сам он умел быть гибким, когда того требовали обстоятельства. Но была у него и чисто книжная черта: он знал больше других. И был уверен: окажись он на императорских экзаменах, то написал бы такое сочинение, которое привело бы судей в восторг. Жаль только, путь к чиnam ему заказали еще в юности.

Взглянув на Те Гоу, Цинь Вань сразу понял: тот на пределе. Услышав скрип открывшейся двери, пленник едва заметно вскинул голову; он почувствовал облегчение, а его челюсти, до того судорожно сжатые, немного расслабились.

— Так ты и есть Те Гоу? — Цинь Вань взял из рук палача чистую плеть, пробуя её вес, и сложив вдвое, приподнял концом рукояти подбородок пленника.

Вид у того был жалкий: все лицо в крови. Цинь Вань невольно поморщился.

Один из подручных тут же засуетился, подставляя стул:

— Господин Цинь, присядьте, отдохните. Не стоит марать руки об это отребье.

Те Гоу зашевелил губами. Несмотря на кровь, Цинь Вань заметил его потрясение.

— Что? Нечего сказать? — терпение Цинь Ваня таяло, но он заметил, что пленник пытается что-то произнести.

Цинь Вань наклонился чуть ближе:

— Что ты бормочешь?

— Ты... такой... красивый... — Голос Те Гоу, не пившего ни капли с самого захвата, был сорван и едва слышен, но эти слова он произнес, вложив в них остатки сил. Их услышал не только Цинь Вань, но и все присутствующие.

Больше всего на свете Цинь Вань ненавидел две вещи: когда хвалили его внешность и когда тратили его время. Те, кто знал его давно, помнили: по-настоящему Цинь Вань страшен не тогда, когда кичится властью, а когда улыбается мягко и даже радостно.

— Молчишь, значит? — Цинь Вань улыбнулся так беззаботно, что даже слегка склонил голову набок, хотя он продолжал смотреть ледяным взглядом. — Думаешь, я не осмелюсь тебя прикончить?

В голове Цинь Ваня быстро проносились мысли. Люди Луса веками жили в глуши, и Те Гоу мог быть просто прямодушным дикарем, но сейчас это больше походило на издевку над его бессилием. Цинь Вань никогда не любил рисковать без нужды; он делал только то, что приносило результат.

— Жить хочешь? — высокомерно спросил он, не выказывая гнева, чем привел своих людей в полное замешательство.

Те Гоу пристально посмотрел на него и после недолгих колебаний кивнул.

Цинь Вань окинул его многозначительным взглядом, заставив пленника занервничать, отбросил плеть и протянул руку ладонью вверх, не сводя глаз с Те Гоу.

Палачи переглянулись, не понимая, что ему нужно. И только догадливый страж в черном быстро сообразил и вложил в руку Цинь Ваня тяжелую пыточную дубинку.

Цинь Вань выпрямился и ровным голосом повторил:

— Спрашиваю в последний раз: жить хочешь?

Те Гоу замер, словно в нерешительности, а затем медленно покачал головой.

Цинь Вань понял: тот колеблется. Но у него не было времени уговаривать этого никчемного человека. Он резко вскинул руку и с силой обрушил дубинку вниз, метя по ногам.

Подручные оцепенели. Они никогда не видели Цинь Ваня столь внезапно жестоким и беспощадным.

Темницу огласил истошный вопль.

Цинь Вань холодно наблюдал за тем, как Те Гоу корчится, едва не теряя сознание. Он вновь приподнял его подбородок концом дубинки:

— Говорят, боль в пальцах бьет прямиком в сердце. Ну что, больно?

Искаленные пальцы ног — зрелище куда более жуткое, чем сломанная рука или нога. Зачастую именно повреждение самых малых частей тела причиняет человеку невыносимые страдания. Цинь Ваню было плевать на муки пленника. Если сегодня он не заставит его говорить, Глава Учения Тай-и может устроить проверку на прочность уже самому Цинь Ваню.

Те Гоу с трудом поднял взгляд. Он увидел в его взгляде странную смесь чувств: боль, отчаяние и... какое-то болезненное обожание. Цинь Ваня передернуло. Это было выше его понимания. Ярость вспыхнула в нем с новой силой.

И тогда Цинь Вань улыбнулся еще приветливее.

Надо признать, когда Цинь Вань изображал доброту, он был само очарование. Те Гоу, несмотря на холодный пот и муку, смотрел на него уже без той решимости, с которой терпел удары плетью.

Цинь Вань внутренне усмехнулся: «Сейчас ты попляшешь». Он отбросил дубинку и велел принести пучок бамбуковых щеп. Обычные тонкие щепки для чистки зубов, но подручные, стараясь угодить, выбрали самые прямые, крепкие и острые.

— Выпрямите ему пальцы... — скомандовал Цинь Вань, снова вставая перед Те Гоу. — С этого момента у тебя есть три попытки.

Пленник искажился от ужаса перед новой пыткой, но на вопрос Цинь Ваня он снова едва заметно качнул головой.

Он был в ярости. Он не хотел быть жестоким, но если люди не понимают добрых слов, винить им некого.

Палачи силой разогнули пальцы Те Гоу, сведенные судорогой. Цинь Вань взял двумя пальцами тонкую щепу, приставил острый конец к израненному кончику пальца и мягко проговорил:

— Знаешь, порой самые крохотные вещи причиняют самую великую боль...

Договорить он не успел — бамбуковая игла медленно и неумолимо скользнула под ноготь.

Те Гоу беззвучно разинул рот, все его тело забилося в конвульсиях, лицо перекошило. У стоявших рядом адептов Тай-и мурашки пошли по коже.

Цинь Вань был само внимание, словно он не пытал человека, а выводил каллиграфический свиток — он уверенно и плавно вкручивал щепу глубже. Впрочем, игла вошла лишь на половину ногтя.

В тесной камере воцарилась гробовая тишина, прерываемая лишь потрескиванием углей в жаровне да приглушенными хрипами, в которых слышалось дыхание самой смерти.

Когда у присутствующих окончательно пересохло в горле, Цинь Вань внезапно остановился и даже усмехнулся:

— Те Гоу, больно тебе?

Голос его звучал участливо и нежно, словно он искренне сопереживал страдальцу, хотя именно он только что причинил эту чудовищную муку.

Те Гоу смотрел на него покрасневшими глазами, пот смешивался с запекшейся кровью, превращая лицо в жуткую маску. Он отчаянно закивал, моля о пощаде.

Цинь Вань холодно наблюдал за ним. Он знал: Те Гоу — кузнец. Об этом говорили мозоли на ладонях и разная толщина рук. К тому же фамилия Те выдавала в нем потомка мастеров Луса. А такие люди больше всего на свете боятся потерять руки. Чем сильнее страх, тем острее боль.

— Те Гоу, спрашиваю второй раз: что задумал старый Те?

На лице Цинь Ваня отразилось пренебрежение. Он был уверен, что деревенский мужлан сломается после первой же иглы. Но Те Гоу лишь затуманенным взглядом посмотрел на него, не в силах ни кивнуть, ни покачать головой.

— Хм, не хочешь по-хорошему? — Цинь Вань решил не просто выбить сведения о Семицветном клинке, но и упрочить свой авторитет в глазах подчиненных.

Он одернул рукав и повернулся к адептам:

— Загнуть по игле под каждый ноготь. Глубиной в полпальца. Мольбам не внимать. Когда закончите со всеми десятью — спросите в последний раз.

От его ледяного тона присутствующих пробрала дрожь.

— Господин, а если и тогда не скажет? — осмелился спросить страж в черном, опасаясь гнева Главы, если тайна клинка уйдет в могилу вместе с пленником.

— Тогда убейте его, — бросил Цинь Вань.

— Но...

— За всё отвечу я, чего ты трусишь? — оборвал он.

Страж не посмел возразить и приказал начинать экзекуцию. Цинь Вань вышел, не оборачиваясь, и даже отчаянный вопль Те Гоу не заставил его дрогнуть.

Теперь он жалеет? Он презирал таких людей. Не умеешь вовремя сориентироваться — плати сполна. Если все равно собирался сдаться, зачем было тянуть?

«Весь этот ваш мир боевых искусств — просто сборище разбойников», — думал он с нескрытым презрением. — «И воды здесь не такие уж глубокие». Он, простой ученый, лишь благодаря уму и силе воли стал правой рукой Главы Учения Тай-и. Явное доказательство того, что все эти «герои» — скудоумные глупцы.

Вернувшись в свои покои, Цинь Вань заметил, что лампа, зажженная еще вечером, все еще

горит, хотя масла в ней осталось на самом доньшке. На столе лежали листы бумаги и тушечница с невысохшей тушью. Он взял кисть, обмакнул её, придал кончику идеальную форму и, на мгновение задумавшись, начал быстро писать.

«...Свершить монаршьи чаяния, стяжать славу при жизни и после смерти...»

Иероглифы выходили из-под его кисти дерзкими, необузданными, полными кипучей страсти — в них не было ничего от того холодного человека, которым он казался. Внезапно он замер. На последнем штрихе иероглифа «слава» с кисти упала клякса, расплываясь уродливым пятном.

Цинь Вань вздохнул, скомкал бумагу и швырнул её на пол.

— Господин Цинь, он заговорил...

Ждать пришлось недолго. Страж в черном осторожно постучал в дверь и, не дождавшись ответа, замер в ожидании.

Цинь Вань сел за стол, вертя в руках кисть, и, не поднимая глаз, произнес:

— В Учении запрещены женщины, а ребята в походе совсем истосковались. Отдайте этого парня им на забаву.

За дверью на миг воцарилась тишина. Наконец страж нерешительно переспросил:

— Господин Цинь, вы же обещали его отпустить...

Цинь Вань вскинул брови. Он с такой силой метнул кисть, что та пробила деревянную дверь насквозь. Снаружи донесся болезненный вскрик.

— То, что тебе положено знать, я скажу сам. А о том, что не положено — не смей и заикаться!

Как только он договорил, лампа в комнате мигнула и погасла. Начало светать, но лицо Цинь Ваня оставалось скрытым в глубокой тени.

***

Когда солнце окончательно взошло, Цинь Вань повел людей к месту, указанному пленником. Они тщательно обыскали всё, пока не наткнулись под кузницей на вход в подземелье, перегороженный массивным Каменным затвором.

Страж в черном, замирая от страха, пролепетал:

— Господин Цинь, парень вряд ли солгал. Он уже сам не свой был, слюни пускал, будто рассудком тронулся. И это последнее место, которое мы еще не проверили...

— Заткнись! — рявкнул Цинь Вань.

Он подошел к камню, осмотрел его и приказал искать скрытый механизм. Тщетно.

Страж втайне злорадствовал, но Цинь Вань стоял неподвижно, погруженный в думы. Казалось, неудача его ничуть не беспокоит.

— Несите порох. Взорвать здесь всё! — внезапно скомандовал он и первым направился к выходу из туннеля. Полы его длинных одежд развевались на ветру, подчеркивая его властную осанку.

Страж опешил, но быстро приказал людям исполнять.

Грохот взрыва заставил землю содрогнуться. Цинь Вань, стоявший поодаль, едва удержался на ногах. Те же из адептов Тай-и, кто оказался слишком близко, повалились на землю, хватая ртом пыль.

На сей раз Цинь Вань шел на риск. Еще в туннеле он заметил, что камень затвора отличается от стен. Судя по следам на полу, глыба опускалась сверху. Значит, свод над ней должен быть особенно крепким. Если правильно рассчитать заряд, обвала можно избежать.

Расчет оказался верным. Каменный затвор разнесло в щепки. Сверху посыпалось немного крошки, но туннель устоял. Адепты быстро расчистили проход, открывая путь в тайную комнату.

Сердце Цинь Ваня забилося чаще — триумф был близок. Это было его первое серьезное задание, и Глава Учения смотрел на него перед отъездом с такой надеждой и доверием. Он поклялся: либо он исполнит поручение, либо не вернется в Долину Спящего Дракона. Многие в Учении только и ждали его провала, мечтая свергнуть выскочку... Теперь-то он заставит их замолчать.

Цинь Вань, подавив волнение, первым вошел в тайную комнату. Однако то, что он увидел, заставило его яростно топнуть по каменному полу, оставив в нем глубокие вмятины.

Комната была пуста. Лишь остатки еды, следы огня да несколько едва заметных бурых пятен крови в углу свидетельствовали о том, что здесь кто-то прятался. И этот «кто-то», судя по всему, был ранен.

Цинь Вань в бешенстве метался по тесному подземелью. Куда мог деться тот, кто должен был смирно ждать его здесь?

<http://bllate.org/book/17419/1648660>